

Со стороны эти люди никак не подходили друг другу: стройная, всегда элегантная Симона и Сартр — невысокий, с брюшком, к тому же слепой на один глаз. Но недаром говорят, что женщина любит ушами

сон Олгрена, автор романа «Человек с золотой рукой», удостоенный Пулитцеровской премии.

Он был полной противоположностью Сартру — «мачо». К моменту их знакомства она была на год старше него. Почти четыре года продолжалась эта жаркая страсть, еще дольше шла переписка. О связи с ним Симона отзывалась в восторженных тонах.

Но роман окончился, и разделил их отнюдь не океан. Нельсон надеялся, что Симона останется с ним навсегда, а она как раз этого и боялась. Тем более что оба они в это время почти рука об руку восходили на философский и литературный Олимп.

На гребне славы

Да, после войны Бовуар и Сартр оказались на гребне славы. Опубликованные романы и философские труды принесли им репутацию властителей дум. Широкий международный резонанс получает главный философский трактат Сартра «Бытие, или Ничто». Этот труд становится библией новомодного философского течения экзистенциализма. Его адепты вслед за Сартром считали в частности, что художественная литература — это наиболее эффективное средство воздействия на жизнь. В Париже в знак преклонения перед экзистенциализмом как философией жизни, которую исповедовал Сартр, появились «экзистенциалистские кафе» с непременно черным потолком, дабы посетителям было легче сосредоточиться на переживании «тоски», «тревоги», «абсурда» или «тошноты» (один из романов Сартра так и называется — «Тошнота»). Писателя избирают в бюро Всемирного Совета Мира, его книги, публицистические статьи охотно издают в Советском Союзе. Первая трещина в отношениях с Москвой возникла во время венгерских событий 1956 года. Едва она начала затягиваться, как последовал ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году, удушение «Праж-

кой весны». Соответственно писатель и философ с мировым именем исчезает из советского культурного обихода. Его больше не издают, книги, написанные им, снимают с библиотечных полок. Забытью предается и Бовуар, которую с ее феминистскими замашками и прежде не очень жаловали идеологические бонзы из ЦК КПСС.

Но на Западе ее звезда в зените. Фурор производит самый известный роман писательницы *The Second sex*, что можно перевести и как «Второй пол», и как «Второй секс». Он и поныне считается чем-то вроде феминистского манифеста.

В этой книге Бовуар не скрывает, что считает лесбийские отношения идеальной формой посвящения юной девушки в таинство секса. Впрочем, в ней говорится не только о том, что в свое время окружало писательницу ореолом хронического скандала. Основное внимание она уделила другой проблеме: с древних времен интеллектуальное развитие и женская идентичность представлялись несовместимыми. Бовуар словно чеканит свою знаменитую фразу: «Никто не родится, пока не появится женщина». А чего стоят ее нападки на церковь: как можно запрещать аборт, но благословлять мужчин, идущих на войну? Это ли не лицемерие? — возмущалась писательница.

Впрочем, другие возмущались ею самой. В их числе оказался и ее бывший возлюбленный Нельсон Олгрена. Его гнев вызвала книга «Мандарины», в работе над которой Симона использовала полученные от него любовные письма. «Мандарины» удостоились Гонкуровской премии, а Бовуар — раздраженной отповеди Олгрена: «Черт бы ее побрал! Любовные письма — это слишком личное. Я бывал в борделях всего мира, и всегда даже там женщины запирали дверь. Только она открывала дверь нараспашку».

Последнее увлечение «гуру»

А Симоне казалось все нипочем: вслед за «Мандаринами» выходят в свет первые главы ее биографии, шокирующее своей откровенностью произведение о ее взаимоотношениях с Сартром. Самого Сартра в отличие от Олгрена это нимало не беспокоит. Уже на склоне лет он воспылал нежными чувствами к Арлетт эль-Каим, молоденькой студентке из Алжира, ставшей не только убежденной сторонницей философского учения Жан-Поля, но и любимым секретарем обожаемого «гуру».

За несколько лет до кончины этот властитель умов целого поколения людей на Западе практически ослеп. И хотя некогда говорил, что мог бы писать и во мраке, объявил о своем уходе из литературы.

«Его смерть разъединила нас. И даже когда умру я, мы не будем вновь вместе. Таково положение вещей. Но нам была дана возможность жить вместе столько лет в полной гармонии», — писала Симона де Бовуар. В каком-то смысле она ошиблась. Остаток дней писательница провела в квартире с окнами, выходящими на Монпарнас, где покоился прах ее друга. Умерла же она через шесть лет после Сартра, почти день в день. И похоронили ее рядом с ним. Теперь они, наконец, были вместе — навсегда.

Антон БЫКОВ